

Филиппов Дмитрий Сергеевич родился 5 сентября 1982 года в городе Кириши Ленинградской области. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Публиковался в литературных журналах «День и ночь», «Знамя», «Нева», «Волга», «Север», в еженедельниках «Литературная газета», «Литературная Россия». Автор двух книг прозы: романа «Я — русский» (2015) и сборника рассказов и повестей «Три времени одиночества». Лауреат русско-итальянской премии «Радуга» (2015). Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Живёт в Санкт-Петербурге.

Дмитрий Филиппов **г. Санкт-Петербург**

Солёный ветер, капли на руках,
Твои глаза, туманные спросонок.
Из моря вырастает Кара-Даг,
И мы - одно: ты, я и наш ребёнок.

И этот кадр цел и невредим,
Он тяжелей военного билета.
И мы с тобою отвоюем Крым
У прошлого, у памяти, у лета.

Но я сейчас пишу тебе о том,
Что вижу утром, выпрыгнув с КамАЗа,
Не Кара-Даг вдали, а террикон
Израненного минами Донбасса;

Что путь домой лежит сквозь смерть,
сквозь снег,
И в этом не упрямство виновато.

Он не меняется из века в век -
Путь русского мужчины и солдата.

Но верь, душа моя, наступит срок,
Когда не будет ни тревог, ни страха.
И мы с тобою ляжем на песок
Под ласковою тенью Кара-Дага

И будем слушать, как шумит волна:
Из года в год, из века в век, по кругу.
И будем твёрдо знать, что жизнь дана,
Чтоб никогда не отпускать друг друга.

Разговор с братом

Как вкусно пахнет этот день:
Нева, шампанское, сирень.
Я жду, пока обнимет тень
Проспекты Ленинграда.
Мой отпуск улетает вспять,
И дней примерно через пять
Мне отправляться воевать.
Так надо, брат, так надо.

И я живой, навеселе,
А ты уже лежишь в земле.
В сырой земле, в крошечной мгле,
Где нет вина и хлеба.
Но смерть, конечно, ни при чём:
Ты станешь солнечным лучом,
Прозрачным ледяным ключом,
Бескрайним русским небом.

От Питера до Кременной
Весь этот мир по праву твой.
Ты назови свой позывной -

В рай тебя узнают.
И если в жизни ты грешил,
То Бог тебя давно простил.
И в рай разведку (я спросил)
Бесплатно пропускают.

Ты рос упрямым пацаном
(Спасибо матери с отцом),
И там, за Северским Донцом
Не вздрогнул, не заплакал.
Лежал спокойный, как вода.
И задрожали города.
И дочь приёмная тогда
Тебе сказала: «Папа...».

Пять дней летят, как пять минут,
А возвращаться - тяжкий труд.
Там пот и кровь, там люди мрут,
Там жизнь - дурная повесть.
Но, обернувшись вдруг назад,
Я вижу твой усталый взгляд.
Ты пригляди за мною, брат.
Бывай. Пошёл на поезд.

Танки

Танки идут на запад!
Танки идут на запах
Сытых чужих квартир.
На запах укропа и мяты,
Сахарной русской ваты.
Танки идут на запад,
Освобождая мир.

Сквозь бурелом, овраги
Танки дойдут до Праги.

И до Берлина дойдут.
Смерти и горя мимо,
Танки дойдут до Рима
Целы и невредимы.
Несокрушим их путь.

Танки заходят в Бахмут.
Им напоследок бахнет
Злая чужая Мста.
В Бахмуте их встречают
Выжженным молочаем.
Им головой качают
Разрушенные дома.

На перекрестье улиц,
Там, где ветра, целуясь,
Свой умножают труд,
Девочка ищет маму.
Мама помыла раму.
Танки глядят стволами
На девочку -
И ревут.

За терриконом

Допустим, завтра кончится война
И не начнётся Третья Мировая;
Тоску и копоть с наших лиц смывая,
Зарядит тёплый ливень до утра.
Что тебе снилось, девочка родная?
Открой скорее сонные глаза, -

Я победил! И ты со мной незримо,
Любовь твоя крепка и нерушима,
Она меня от гибели хранит.
Или хранила? Впрочем, всё неважно.

По небу самолёт летит бумажный
И вновь «звезда с звездой говорит».

Всё схлынет, как волна, и будет так:
Закончится война (допустим, в марте).
Водяное, Авдеевка, Спартак
Останутся лишь точками на карте,

Останутся зарубками в душе,
Колючим сном, фугасом у дороги,
Разрывом мины, схроном в гараже,
Осколками рассеянной тревоги.
Любимая, мир наступил уже,
Родившись в муках на твоём пороге.

Не плачь, моя родная, не кричи,
Я не привёз от Киева ключи
И потерял в степи ключи от дома.
И даже если я сейчас с тобой,
Пью чай и удивляюсь, что живой, -
Я - там, остался там, за терриконом.

Отпуск

Через полгода нам дали отпуск.

Так решил президент,
Подарив возможность увидеть родных воочию.
В первой партии убыл от взвода Дед.
Макс уступил ему свою очередь.

У Деда на днях юбилей, а ещё больная мозоль.
Он от радости как воздушный шарик надулся.
Собрал рюкзак,
а Макс поехал работать за «ноль».
Дед из отпуска не вернулся.

На Донецк навалилась расхлябанная весна,
Пробралась траншеями и дворами.
И сказал командир, отводя глаза:
«Глаз за глаз. Тело за тело. Решайте сами».

И пустую бумажку вытягивает, конечно, Макс.
На секунду забыв,
 что дома остались жена и дети -
Он, щурясь, глядит на солнце, как в первый раз,
И говорит: «Твою ж мать!
Какая весна на свете!».

Ты мне пишешь, что выпал снег,
Бахромою укутав сосны...
Драгоценный мой человек!
Необъятный мой свет, мой космос!
А на улице!.. Вот бедлам!
И снежки, и замёрзшие слёзы.
По волшебным спешат делам
Захмелевшие дедморозы.
Ты мне пишешь, что каждую ночь
Просишь Бога явить нам милость,
Что взрослеет без папы дочь,
Что тебе наша свадьба снилась.
Пусть зима и метели пусть,
Пусть молитвенник в изголовье.
Отвечаю, что я вернусь.
Я живой! Из Донецка, с любовью!

Полюд и Хэм

Полюд и Хэм остались на нейтралке,
На безупречном мартовском снегу.
Тела забрать хотели. Оба раза
Подняться не давали снайпера.

У Хэма дочка скачет на скакалке,
Полюд в порыве приобнял жену,
Нырнув рукой куда то в область таза...
На фото все живые, как вчера.

И рюкзаки ещё хранят их запах,
Но смерть уже приподнялась на лапах,
Чтоб всё стереть, чтоб не осталось нас.

Ей помогают ночь, мороз и ветер,
Но верю я, что всех смертей на свете
Сильнее этот хрупкий снежный наст.

Пока он держит Хэма и Полюда -
Они незримо с нами, и повсюду
След в след идут и источают свет;

Тот свет, что не бликует днём на касках,
Волшебный, из забытой детской сказки,
Где мама говорит, что смерти нет.

Весною снег, конечно же, растает,
Отдав окоченевшие тела,
И зазвучит мелодия простая:
Капли, мира, счастья и тепла.
Когда-нибудь им памятник поставят.
Когда-нибудь закончится война.

Илья Муромец

- Я однажды встану, и будет толк,
Обойду полмира в стальных башмаках.
Верным спутником станет мне серый волк,
Добрый меч заалеет в моих руках, -

Илья Муромец зло говорит во тьму.
Тьма хохочет, укрывшись за потолок:
- Если встанешь, то я за тобой приду,
Чтобы снова лишить тебя рук и ног.

И лежит богатырь на своей печи
Обездвижен, немощен, сир и слаб.
Басурмане черствые калачи
Раздают на площади всем подряд.

Только шепчет упрямо Илья в бреду:
- Я не мир с собой принесу, но меч.
Соловей, паскуда, ведь я приду,
Чтобы взмахом поганый твой рот рассечь.

И польётся кровь, и взовьётся дым,
Задрожат терриконы по всей степи...
Боже праведный, я Твой сын,
Дай мне сил, чтобы ношу свою нести!

Но нахально свистит Соловей во тьме,
Льётся кровь тягучая через край.
И тогда приходит Господь к Илье
И говорит:
- Вставай!

Штурм

Хорошо под хмельком, небритый,
Битый жизнью, войною битый, -
Он смолил одну за одной.
Был обычный донецкий вечер:
Была «саушка» недалече,
Тёплый ветер дышал на плечи
Бархатистой взрывной волной.

Угловатый и неуклюжий,
Голос тих и слегка простужен,
Сам себе, похоже, не нужен, -
Он глядел в пустое окно.
Улыбнулся, кулак сжимая:
- В полушаге стоял от рая! -
И Россия от края до края
Отразилась в глазах его.

- Мы три дня штурмовали горку.
Было тяжело и было горько.
У хохла там стоит укреп.
В первый день нам сожгли три танка,
Типа, доброго, хлопцы, ранку...
У парней посрывало планку.
Кореш мой в том бою ослеп.

Положили нас в чистом поле,
Минометы попили крови,
Над башкою свистит и воет,
Непонятно, куда стрелять.
Ни поддержки, ни карт, ни планов.
В штабе точно сидят бараны.
За ночь мы зализали раны
И поперли на штурм опять.

Он рассказывал твёрдо, долго,
Был похож на степного волка.
- Мы три дня штурмовали в лоб их,
Там «двухсотых» лежит везде...
Всё в дыму, всё в крови и в саже,
Трупный запах всё ближе, гаже.
Но об этом нам не покажут
По «Оплоту» и по «Звезде».

Мы на сутки укреп тот взяли,
Но к рассвету не удержали
Заколдованный чернозём, -
И боец замолчал устало.
Ближе к ночи похолодало.
САУ ближе загромычала.
- Завтра снова на штурм пойдём.